

Юлия Горбатова¹

Модальный аргумент Алвина Плантинги: проблема формализации и трактовка понятия существования

Как все прекрасно знают, онтологический аргумент был предложен Ансельмом Кентерберийским приблизительно в 1077/78 году в трактате «Прослогион». Общеизвестно и то, что Кант в «Критике чистого разума» подверг это доказательство разрушительной критике. Тем не менее, все новые и новые философы стремятся реинкарнировать рассуждение Ансельма. Движение мысли расходится в двух направлениях: одни² считают (и вполне справедливо), что критика Канта была направлена не собственно на аргумент Ансельма, но на ту форму доказательства, которую ей придал Декарт. Другие попросту игнорируют замечания Канта, полагая их слабыми и/или нерелевантными и предлагают свои, в различной степени формализованные версии онтологического аргумента. Среди последних – американский теолог-аналитик Алвин Плантинга.

Его модальная версия онтологического аргумента (МА) была сформулирована в 70-х годах прошлого века и до сих пор пользуется огромной популярностью среди верующих (прежде всего, конечно, протестантов). Особое внимание в статье уделено следующим вопросам: **(i)** как именно эта версия формализуется, и **(ii)** какие выводы из такой формализации следуют, а также **(iii)** распространяется ли на эту версию критика Канта.

Следует иметь в виду, что в работах Плантинги встречается несколько вариантов МА. Приведем тот, который автор, судя по всему, считает наиболее удачным, поскольку использует его не только в

1 Горбатова Юлия Валерьевна, факультет философии, ГУ-ВШЭ.

2 См., к примеру, ряд статей Е. Г. Драгиной-Черной. Основная идея автора заключается в том, что рассуждение Ансельма не является доказательством в чистом логическом смысле. Это т. н. «перформативное» доказательство, которое «является переходом не от одних истинных высказываний к другим, а от одних обоснованных действий к другим, получающим таким образом свою обоснованность». См.: Драгина Е. Г. Дедукция к существованию. Путешествия по возможному и невозможным мирам // Возможные миры. Семантика, онтология, метафизика. – М., 2011 (в печати), с. 55.

знаменитой книге «Природа необходимости»³, но и в книге «Бог, свобода и зло»⁴.

- (1) Найдется возможный мир, в котором максимальное величие имеет место. (Dop.)
- (2) Необходимо, что объект является максимально великим, только если он обладает максимальным совершенством в каждом мире. (Df)
- (3) Необходимо, что объект обладает максимальным совершенством в каждом мире, только если он обладает всезнанием, всемогуществом и моральной безупречностью в каждом мире. (Df)
- (4) Высказывание «Не существует всемогущего, всезнающего и морально безупречного объекта» является невозможным по крайней мере в одном возможном мире. (согласно 1)
- (5) То, что невозможно в одном мире, невозможно в каждом мире.
- (6) Высказывание «Не существует всемогущего, всезнающего и морально безупречного объекта» является невозможным в каждом мире. (согласно 4, 5)
- (7) Существует объект, который обладает всемогуществом, всезнанием и моральной безупречностью в каждом возможном мире, в том числе и в актуальном. (согласно 6)⁵

Формализация МА

Для построения своей версии аргумента Плантинга активно использует терминологию недавно появившейся к тому времени семантики возможных миров. При этом нельзя, однако, сказать, что его рассуждения ведутся в рамках какой-либо дедуктивной теории (можно было бы ожидать использование одной из нормальных модальных систем) – ни представленное выше доказательство, ни его аналоги в других текстах автора не доведены до воплощения на языке строгих логических формул. Не удивительно, что в отсутствии аутентичного символического варианта

3 Plantinga A. *The Nature of Necessity*. – Oxford: Oxford University Press, 1974.

4 Plantinga A. *God, Freedom, and Evil*. – Grand Rapids: Eerdmans, 1974.

5 «Максимальное величие» – *maximal greatness*; «максимальное совершенство» – *maximal excellence*; «всезнание», «всемогущество» и «моральная безупречность» – *omniscience, omnipotence* и *morally perfection* соответственно.

МА, формализацией занялись его многочисленные критики и комментаторы. Наиболее короткий и выразительный вариант, на мой взгляд, предлагает Кейн⁶:

(1)	$L(g \supset Lg)$	доп.
(2)	Mg	доп.
(3)	$(L(g \supset Lg)) \supset (Mg \supset MLg)$	акс.S5
(4)	$Mg \supset MLg$	mp 1,3
(5)	MLg	mp 2,4
(6)	$MLg \supset g$	mp 4,5
(7)	g	mp 5,6

где «M» и «L» – операторы логической возможности и необходимости соответственно, « \supset » – символ материальной импликации, а «g» – сокращение для высказывания «совершенный объект существует».

Почему именно критики Плантинги вынуждены давать формализацию его доказательству? Что мешало ему самостоятельно проделать эту процедуру? Полагаю, это можно объяснить двояко: либо 1) Плантинга просто не считает нужным доводить до строгого формального воплощения то, что «и так ясно» каждому читателю; либо 2) он понимает, что адекватная формализация МА неизбежно окажется довольно сложной – она должна проводиться на языке по крайней мере первопорядковой логики предикатов, но никак не на языке логики пропозициональной, – а это, в свою очередь, затянет его в трясины зыбкой и неясной онтологии квантифицированной модальной логики. Какое именно из двух объяснений больше подходит, я оставляю на усмотрение читателя.

Как бы то ни было, даже при поверхностном анализе того упрощенного формального варианта, который дает нам Кейн, у МА, очевидно, имеется одна серьезная проблема – в доказательстве используется аксиома системы S5, о чем Плантинга нигде не упоминает, но о чем говорит каждый логик, анализировавший МА. Что это – проявление наивной «логической невинности» американского теолога или сознательное замалчивание весьма существенных для оценки рассуждения фактов? В конце концов, это же просто секрет Полишинеля – ведь каждый видит, что МА срабатывает исключительно в рамках S5. Если превозмочь первое удивление по поводу такого незатейливого

6 Kane R. The Modal Ontological Argument // Mind, 93, 371, 1984.

лукавства, возникает подозрение, что все не так уж просто. Возможно, это просто уловка, имеющая целью отвлечение внимания – обнаруживая столь очевидное «несовершенство» доказательства, читатель в приступе праведного возмущения легко может не заметить, что у МА есть проблемы и посерьезней.

Последствия формализации

Эти проблемы – трактовка понятий «существование» и «Бог». В пропозициональной логике просто нет выразительных возможностей для анализа суждений о существовании объектов. В лучшем случае речь идет только о существовании пропозиций, которые, повествуя о наличии или отсутствии в действительности того или иного положения дел. В её языке можно обсуждать, является ли истинным или ложным пропозиция «Бог существует», но никак нельзя доказывать существование какого бы то ни было объекта, пусть даже это и выделенный объект типа «Бог». На это, как правило, критики вообще не обращают внимания. У самого Плантинги формулировка доказательства небрежна: в некоторых пунктах речь идет о высказываниях, в других – о свойствах. Любая формализация, предложенная критиками, автоматически отбрасывает эту небрежность, решая, тем самым, за Плантингу одну из проблем МА. Так, примитивная замена выражения «совершенный объект существует» (означающего, конечно же, «Бог существует») на «g» скрывает серьезную проблему. Очевидная трудность, которой почему-то придают недостаточно значения заключается в том, что «g» – всего лишь пропозициональная переменная, которая может заменять *любое* простое высказывание. С таким подходом можно использовать хоть *modus ponens* – и его окажется достаточно, чтобы доказать, что «g» («Бог существует») ⁷. Совершенно ясно, что формализации в языке пропозициональной логики абсолютно недостаточно, чтобы формулировать минимально корректное с логической точки зрения доказательство бытия Бога.

Таким образом, формализация МА средствами пропозициональной модальной логики легко обнаруживает один дефект в доказательстве (весьма, впрочем, незначительный, поскольку не упоминая Плантингой система S5 на самом деле является наиболее распространенной и удобной из всех модальных систем), но при этом скрывает другие, более серьезные.

7 В «God and Other Minds» Плантинга сам решительно отвергает возможность доказать существование Бога с помощью *modus ponens*. См.: Plantinga A. God and Other Minds. – Ithaca: Cornell University Press, 1967.

Плантинга против Канта

Здесь самое время вернуться к кантовской критике онтологического доказательства, в которой мы можем почерпнуть ответ на некоторые важные вопросы о суждениях существования. Главная его идея, как известно, сводится к тому, что существование не является *реальным* предикатом, а потому невозможны аналитические суждения о существовании, но только синтетические. Именно поэтому приписывание объекту существования a priori попросту невозможно.

Плантинга отмечает, что вся критика Канта не имеет никакого отношения к Ансельму, поскольку последний в своем доказательстве вовсе не рассматривает существование как предикат: «Ансельм мог бы поблагодарить Канта за ценные замечания и счастливо двигаться дальше своим путем»⁸. Однако все, что в критике Канта можно или нельзя применить к доказательству Ансельма, без сомнения можно и должно применить к доказательству самого Плантинги. Плантинга частично осознает это и пытается избежать возможных неудобств, проистекающих из такой ситуации. С этой целью он совершает сильный, но ожидаемый ход: открыто заявляет, что существование в его системе не является предикатом, но только лишь «необходимым условием» того, чтобы какие бы то ни было предикаты могли быть приписаны субъекту; и формулирует доказательство на языке, подходящем скорее для пропозициональной логики, уводя, тем самым, проблемы с предикацией существования в тень.

Плантинга постулирует: «... нам нет нужды предполагать, что необходимое существование является совершенством, поскольку объект вообще не обладает никакими свойствами, и a fortiori – делающими его совершенным, в том мире, где он не существует. Таким образом, существование и необходимое существование не являются сами по себе совершенствами, но – необходимыми условиями совершенства»⁹.

Итак, он действительно отказывается от существования как совершенства, но отказывается ли он от существования как от предиката? Конечно же, нет – в его работах постоянно идет речь о существовании как о свойстве, а значит, как о предикате. Может быть, предикат существования не является у него реальным, а играет только формальную роль? Это весьма спорный вопрос, ведь, согласно Плантинге, если объект не существует в каком-то мире, он не может обладать там свойствами и, конечно же, не может быть совершенным в этом самом мире. Значит,

8 Plantinga A. *God, Freedom, and Evil*, p. 97.

9 Plantinga A. *The Nature of Necessity*, p. 214.

существование все-таки добавляет нечто к сумме положительных качеств. Однако это никак не сказывается на качестве МА, утверждает Плантинга, ведь он не совершает ошибки, от которой предостерегает Кант – не включает существование в класс совершенств ни в явной, ни в скрытой форме. Я, тем не менее, склонна считать, что без некоторого лукавства и тут не обошлось.

Начнем с того, что использование существования как предиката уже само по себе означает, что МА подпадает под критику Канта. Плантинга явно формулирует: «Среди прочих мы находим и такие экзистенциальные пропозиции как «Сократ существует», т. е. Сократ обладает свойством существования»¹⁰. Однако именно этого и не допускал Кант, говоря, что утверждения типа *x существует* никогда не приписывают *x* никакого свойства «существования»: «Если я [...] говорю *Бог есть* или *есть Бог*, то я не прибавляю никакого нового предиката к понятию Бога, а только полагаю субъект сам по себе вместе со всеми его предикатами, и притом как *предмет* в отношении к моему *понятию*»¹¹. Данное замечание Канта, как справедливо отмечает Плантинга, действительно нельзя обратить к Ансельму, но к самому Плантинге – безусловно, можно. Это вполне очевидное различие между *предметом* и *понятием* должно быть учтено при построении любой версии онтологического аргумента, в противном случае доказательство теряет свою силу.

Удивительно: Плантинга цитирует рассуждение Канта о том, что никакое понятие не может включать существование, ведь понятия не могут существовать так же, как предметы. Понятию все равно – существует предмет или нет, есть только понятие о нем. Даже абсолютно полное понятие (что вряд ли вообще возможно относительно хоть какого-нибудь предмета) не будет включать существование. При этом понятие не является «ущербным» по отношению к описываемому предмету, который существует. Казалось бы, стоит вчитаться в цитируемое. Но нет, Плантинга тут же возражает, что не может все-таки этого быть: именно «здесь таится основная разница между существующими и несуществующими объектами. Если *O* – любой существующий объект, а *P* – произвольное свойство, то либо *O* обладает *P*, либо *O* обладает дополнением $\sim P$ к *P*. Однако если *O* только лишь воображаемый объект, наподобие Пегаса или Санта Клауса, тогда есть по крайней мере одно свойство *P* такое, что *O* не обладает ни *P*, ни $\sim P$; есть по крайней мере

10 Ibid., p. 149.

11 Кант И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994, с. 362.

одно такое свойство Р, что утверждение «О обладает Р» не является ни истинным, ни ложным»¹². Таким образом, понятие существующего объекта всегда оказывается шире понятия несуществующего объекта. В этом смысле Плантинга называет понятия о существующих объектах *максимальными*.

Рассуждение представляется мне несколько странным. Почему, собственно, может найтись такое свойство, о котором нельзя будет утверждать, что оно принадлежит или не принадлежит объекту? Плантинга ссылается на то, что история о Санта Клаусе умалчивает, к примеру, о том, какой размер обуви носил этот персонаж, а потому мы не сможем сказать, носил или не носил он десятый размер ботинок. Что ж за проблема в том, что история об этом умалчивает? Ведь это всего лишь история. Если объект вымышленный, то *все* свойства, которыми он обладает, приписываются ему достаточно произвольно. Да, действительно, Плантинга прав в том, что невозможно проверить, десятый или не десятый размер обуви у Санты. Но ведь точно так же нельзя проверить красный или не красный у него кафтан. Все, однако, полагают, что красный. Удобство вымышленного объекта заключается, среди прочего, и в том, что ему можно приписать произвольный набор свойств, дополнив, тем самым, его историю. Ведь именно таким вполне произвольным приписыванием у объекта и появились все те свойства, которые сейчас считаются для него чуть ли не существенными.

С другой стороны, где же взять такой действительно существующий объект, о котором у нас было бы максимальное (в терминологии Плантинги) понятие? О каком объекте можно заявить, что про него известно абсолютно все и относительно каждого свойства мы легко можем ответить на вопрос, принадлежит оно данному объекту или нет? Боюсь, если такие объекты и найдутся, их будет крайне незначительное число.

Но хуже всего то, что в действительности есть такие объекты, о которых безусловно невозможно сформулировать максимальное понятие – например, электроны. Согласно уравнениям неопределенности Гейзенберга, об электронах мы можем достоверно знать ровно одну из двух характеристик: координаты или импульс. Но тогда, согласно позиции Плантинги, электронов попросту не существует?

Трудности МА этим, однако, не исчерпываются. Несмотря на предостережения Канта, Плантинга все-таки исходит из допущения, что

12 Planting A. Kant's Objection to the Ontological Argument // The Journal of Philosophy, 63, 19, 1966, p. 542.

существование гарантирует объекту большее совершенство, чем было бы у того, если бы он не существовал. Плантинга утверждает: «в мирах, где Сократ не существует, он вообще не обладает никакими свойствами, даже свойством не-существования»¹³. Отсюда ясно, что такого свойства как «не-существование» вообще не может быть, поскольку ни в одном мире ни один объект не способен его экземплифицировать. Тогда мы снова вынуждены обратиться к Канту, который именно потому и называл существование *нереальным* предикатом, что оно присуще всему, чему вообще можно приписать хоть какие-то свойства, в силу чего его приписывание бессмысленно. Но это означает, что все доказательство в целом теряет смысл – теперь нет нужды доказывать, что что-то *существует*. А это, конечно, для Плантинги неприемлемо.

Из примера с Сократом следует, что *объект в принципе может обладать свойствами, только если он существует*. Плантинга, однако, делает вывод с точностью до наоборот: он утверждает, что в таком случае *свойства не может быть, если не существует объекта, который бы обладал этим свойством*. Это вовсе не вытекает из того, что он сам утверждал, и, тем не менее, именно на этой посылке будет строиться все дальнейшее рассуждение.

В принципе, довольно легко представить ситуацию, когда в некотором возможном мире W свойство P имеет место, но нет объекта, который обладал бы этим свойством. В качестве примера рассмотрим такое свойство как «мироупорядочение»: ведь каждый возможный мир устроен тем или иным образом. Следовательно, имеет место (и тем самым – *существует*) свойство «мироупорядочения». Более того, это свойство, судя по всему, имеет место с необходимостью, поскольку присуще каждому возможному миру. При этом нельзя указать хотя бы в одном из этих миров объект, который обладал бы данным свойством – свойством мироупорядочения. Ведь вышеупомянутое свойство принадлежит не чему-то в мире, а *самому* миру. Можем ли мы считать, что возможные миры – это тоже объекты? В широком смысле, безусловно, да. Однако ни при каких условиях нельзя отнести *объекты в мире* и *миры как объекты* к одной категории – это логически недопустимо. Плантинга, по всей видимости, просто не учел такой возможности. Его рассуждение не допускает существования подобных свойств, хотя, в отличие от существования Бога, оно настолько очевидно, что вряд ли требует доказательства.

13 Plantinga A. The Nature of Necessity, p. 152.

Итак, подведу итоги. МА, на мой взгляд, не является усовершенствованной версией онтологического аргумента. Ему свойственны несколько серьезных недостатков:

1. (подразумеваемая) формализация на языке пропозициональной логики, а не на языке логики предикатов;
2. Непроясненность и даже путаница в понимании собственно *существования*: критика Канта больно бьет по очевидно слабым местам: пониманию существования как реального предиката и неразличению понятия и предмета.

При этом хочу добавить, что простой перевод МА на язык логики предикатов попросту невозможен. Если бы он был, Плантинга, без сомнения, им бы воспользовался. Однако именно язык ЛП потребует глубокого понимания термина «существование», а с ним-то и связана основная головная боль МА.

Тем не менее, критикуя построения Плантинги, я отнюдь не отвергаю сам подход, в рамках которого они предприняты. У модального аргумента есть, безусловно, и положительная сторона – формулируя его в семантике возможных миров, Плантинга пытается осуществить перевод общеизвестного доказательства на язык современной философии и логики. Зачастую неудовольствие от онтологического доказательства вызывает пропасть между тем философским аппаратом, которым пользовался автор, и тем аппаратом, который применяет к доказательству читающий. Но ведь между ними пролегают сотни лет: язык философии изменился за это время невероятно. Изменилась даже подразумеваемая формальная онтология, лежащая в глубинах языка. Простое прочтение теперь уже не является удовлетворительным, и многим классическим философским аргументам настоятельно необходим перевод на современный язык. Именно этот перевод и попытался осуществить Плантинга. Возможно, ему удалось совсем не так много, как хотелось бы. Однако сама попытка, безусловно, достойна уважения, а её провал говорит о необходимости более тонкой логической экспликации используемых в онтологическом доказательстве понятий.